

RU

Языковые антиномии В. фон Гумбольдта в аспекте перевода
(на материале оригиналов и переводов новелл Э. А. По)

Газизов Р. А., Морозкина Е. А.

Аннотация. В статье рассмотрены языковые антиномии В. фон Гумбольдта в контексте сопоставительной лингвистики и перевода. Отмечается, что в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта были обозначены некоторые вопросы современной переводческой науки и предложены пути их решения. Утверждается, что при переводе литературных произведений переводчик должен опираться на языковые антиномии, выявленные В. фон Гумбольдтом. Цель данного исследования – обосновать необходимость учета языковых антиномий, выявленных немецким ученым В. фон Гумбольдтом, в переводческой науке, что мотивировано выбранным переводчиком вектором на наиболее точную интерпретацию авторского замысла в ходе переводческой деятельности. Научная новизна исследования обусловлена попыткой скорректировать доминантные смыслы оригинальных художественных текстов с учетом выявленных В. фон Гумбольдтом языковых антиномий и провести сопоставительный анализ смысловых доминант англоязычных оригиналов и их переводов. В результате исследования было установлено, что языковые антиномии, разработанные немецким языковедом В. фон Гумбольдтом, следует учитывать в ходе перевода художественных текстов с тем, чтобы выявить имплицитные смыслы англоязычных оригиналов и передать их в переводах.

EN

W. von Humboldt's language antinomies in the aspect of translation
(based on the material of the originals and translations
of E. A. Poe's short stories)

Gazizov R. A., Morozkina E. A.

Abstract. The paper examines W. von Humboldt's language antinomies in the context of comparative linguistics and translation. It is noted that some issues of modern translation science were identified and ways to solve them were proposed in W. von Humboldt's linguistic concept. It is argued that when translating literary works, the translator should rely on the language antinomies identified by W. von Humboldt. This research aims to substantiate the necessity to take into account the language antinomies identified by the German scholar W. von Humboldt in translation science, which is motivated by the vector for the most accurate interpretation of the author's intention chosen by the translator in the course of translation activities. The scientific novelty of the study is accounted for by an attempt to correct the dominant meanings of the original literary texts taking into account the language antinomies identified by W. von Humboldt and to conduct a comparative analysis of the semantic dominants of the English-language originals and their translations. As a result of the study, it has been found that the language antinomies elaborated by the German linguist W. von Humboldt should be taken into account when translating literary texts in order to identify the implicit meanings of the English-language originals and convey them in translations.

Введение

Актуальность работы определяется использованием языковых антиномий В. фон Гумбольдта в русле науки о переводе. Известные антиномии, выявленные в структуре языка немецким ученым, включены в переводческий инструментарий с целью моделирования вариантов перевода художественных текстов, что позволяет раскрыть глубинные смыслы, заложенные в оригинальные тексты автором, и далее передать их в версии перевода.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач:

- рассмотреть языковые антиномии В. фон Гумбольдта в аспекте перевода;
- использовать языковые антиномии В. фон Гумбольдта в моделировании перевода художественных текстов;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ англоязычных переводов новелл Э. А. По для выявления оттенков смыслов, заложенных писателем в оригинальных текстах.

В ходе написания статьи были использованы следующие методы исследования, а именно: методы изучения словарных дефиниций, сопоставительного анализа, наблюдения над языковым материалом, а также метод переводческого анализа.

Теоретической и методологической базой для анализа художественных текстов стали работы ученых в сфере общего языкознания, в частности работы немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта (1984; 2013; Humboldt, 1963) и труды ученых о его деятельности: Т. А. Амировой, Б. А. Ольховикова, Ю. В. Рождественского (1975), В. А. Звегинцева (1984). Авторы также опирались на труды в области филологической науки М. М. Бахтина (2000), Ю. М. Лотмана (1992) и на современные работы по теории и практике перевода Е. А. Морозкиной, Т. Р. Алтыnguжина (2022), С. А. Ивановой, Х. Э. Махмудовой (2023), А. И. Дзюбенко (2023).

Материалом для исследования послужили англоязычные новеллы Э. А. По (По Э. А. Избранное. Сборник / на англ. яз. М.: Радуга, 1983; Poe E. A. The Complete Works in One Volume. 2013) и их русскоязычные переводы, выполненные следующими переводчиками: Д. Л. Михаловским, Н. В. Шелгуновым, К. Д. Бальмонтом, В. А. Хинкисом, М. А. Энгельгардтом и В. Роговым:

- По Э. А. Черный кот // Время. 1861. № 1. Т. 1 (перевод с английского языка осуществлен Д. Л. Михаловским);
- По Э. А. Черная кошка // Дело. 1874. № 5 (перевод с английского языка осуществлен Н. В. Шелгуновым);
- По Э. А. Черный кот // По Э. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Скорпионъ, 1901. Т. 1 (перевод с английского языка осуществлен К. Д. Бальмонтом);
- По Э. А. Рассказы. Стихотворения. М.: Эксмо, 2008 (перевод с английского языка осуществлен В. А. Хинкисом);
- По Э. А. Бес превратности // Избранные сочинения Эдгара По. Рассказы: в 2-х т. Берлин, 1923. Т. 1 (перевод с английского языка осуществлен М. А. Энгельгардтом);
- По Э. А. Демон извращенности // Собрание сочинений Эдгара По въ переводе съ английскаго К. Д. Бальмонта: в 5-ти т. М.: Скорпионъ, 1901. Томъ первый. Поэмы, сказки;
- По Э. А. Бес противоречия // По Э. А. Стихотворения. Проза. М.: Художественная литература, 1976 (перевод с английского языка осуществлен В. Роговым).

В работе были также использованы следующие словари:

- Социологический энциклопедический англо-русский словарь. М.: РУССО, 2002.
- Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М.: Медиа, 2001.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2006.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов лингвистами-переводчиками в процессе работы над переводом литературных произведений, а также на практических занятиях со студентами по переводу и в специальных курсах по разным аспектам переводческой деятельности.

Обсуждение и результаты

В. фон Гумбольдт «пользуется мировым признанием» (Звегинцев, 1984, с. 356) и известен своими трудами в области языкознания, в которых он исследовал вопросы происхождения языков, соотношения языка и мышления, а также выявил противоречивость, заложенную в языке, и вывел знаменитые языковые антиномии, которые в «Очерках по истории лингвистики», написанных Т. А. Амировой, Б. А. Ольховиковым и Ю. В. Рождественским, обозначены как «язык в такой же мере деятельность, в какой и произведение», «антиномия неразрывного единства и внутренней противоречивости языка и мышления» (1975, с. 339), антиномия «речи и языка», антиномия «речи и понимания», «антиномия объективного и субъективного в языке» (Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975, с. 340), «антиномия коллективного и индивидуального в языке», «антиномия необходимости и свободы в языке» (Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975, с. 341), «антиномия устойчивости и движения в языке», антиномия «произвольность знака языка и мотивированность знаков как элементов языковой системы» (Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975, с. 342). В работе Е. А. Морозкиной и Ю. А. Филипповой (2015) отмечено, что В. фон Гумбольдт «развил идею о том, что язык – это посредник между человеком и внешним миром». В лингвистической концепции В. фон Гумбольдта можно выделить целый ряд положений, предвосхищающих постановку и решение вопросов современного переводоведения, таких, к примеру, как проблемы переводимости и непереводимости, перевода историзмов, архаизмов и заимствованной лексики. В. фон Гумбольдт, как известно, занимался проблемой понимания и интерпретации смыслов текстов, поскольку сам вел переводческую деятельность и осуществил переводы лирики Пиндара, поэта древней Греции, и знаменитой трагедии Эсхила «Агамемнон».

Антиномия, в которой язык воспринимается одновременно как деятельность и в то же время как произведение, была положена в основу методологии сравнительно-сопоставительного изучения языков и определила особенности подхода к языку на протяжении XIX-XX веков. Для описания деятельного характера языка В. фон Гумбольдт использует немецкие термины *Erzeugtes* и *Erzeugung*, утверждая, что язык – не «мертвый продукт» (*Erzeugtes*), а «созидающий процесс» (*Erzeugung*) (1984, с. 69). Язык представляет собой результат деятельности прошлых поколений и одновременно процесс непрерывных изменений, которые неизбежно привносятся в язык его современными носителями. Эти составные части языка соотносятся между собой и создают бесконечный процесс развития языковых компонентов.

Как результат деятельности прошлых и современных поколений можно также воспринимать антиномию устойчивости и движения в языке. Действительно, приобретая некую устойчивость, язык вместе с тем продолжает свое постоянное развитие, в результате чего в него добавляются новые лексические образования, формы и грамматические структуры. Устойчивое состояние в языке практически невозможно, и, следовательно, язык воспринимается как непрерывно развивающаяся система знаков. Вместе с тем языковые нормы передаются новому поколению в виде оформленного материала (Stoff) (Humboldt, 1963, S. 419). При этом в языке постоянно продолжается «работа духа», что превращает язык в нечто «беспредельное» (ein Unendliches) (Humboldt, 1963, S. 436), развивающееся во времени.

Язык способствует функционированию духа и потому пребывает в состоянии «непрерывной деятельности». В. фон Гумбольдт говорит об относительной устойчивости языка, благодаря чему формируется так называемая «мертвая масса» языка (eine gewissermaßen tote Masse), позволяющая сохранить традиционные языковые нормы. Впрочем, в ней обязательно находится «живой зародыш» (den lebendigen Keim) (Humboldt, 1963, S. 436) новых языковых форм и значений, способствующих динамическому развитию языковых структур. В версии В. фон Гумбольдта язык оказывает влияние на мыслительные процессы, благодаря чему в мышлении появляется элемент творчества, который ученый называет «творящей силой». Размышляя о возможностях языка, он использует философскую терминологию, ставя знак равенства между «языком» и «деятельностью духа», что позволяет ему подойти к описанию противоречия внутри языка, связанного с неразрывным единством и одновременно противоречивостью языка и мышления. В результате язык выполняет функцию посредника между человеком и окружающим его миром, определяя мировоззрение личности. Одновременно в языке содержится его самостоятельная творческая сила (Selbsttätigkeit) (Humboldt, 1963, S. 494). Противоречивое единство языка и мышления проявляется в формировании «мира представлений» (Ideengebiet) (Гумбольдт, 1984, с. 315). В рамках языковой мыслительной деятельности исследуются антиномии о соотношении объективных и субъективных элементов в языке, а также взаимоотношения в языке коллективного и индивидуального. При этом именно язык помогает преобразовать субъективное в объективное и коллективное в индивидуальное и наоборот. Причем вектор движения направлен от «всегда ограниченного индивидуального к всеобъемлющему бытию» (Гумбольдт, 1984, с. 318).

Человек неизбежно рассматривает язык как объективное явление, но вместе с тем привносит в язык элемент субъективности. Поскольку восприятие мира каждым отдельным индивидом субъективно, аспекты субъективного мышления в языке могут приобретать разные формы и смыслы, что особенно важно учитывать в процессе перевода. А. И. Дзюбенко (2023, с. 1234) справедливо пишет о необходимости «декодирования смыслов» в художественном тексте, С. А. Иванова и Х. Э. Махмудова полагают, что успешность этого процесса напрямую зависит от таких субъективных факторов, как профессионализм переводчика, его умение «распознать имплицитные смыслы» (2023, с. 1285) в текстах оригинала и перевода.

Противоречивость объективного и субъективного, полагал В. фон Гумбольдт, не нуждается в примирении, а, наоборот, способствует развитию и совершенствованию языка. При этом слово воспринимается как единица языка, в которой «всегда наличествует двоякое единство звука и понятия» (Гумбольдт, 2013, с. 82), что предполагает существование антиномии, объединяющей понятия произвольности и мотивированности языковых знаков как составной части системы языка. Слово представляет собой знаковое выражение звуков и сформированных в мышлении понятий. Эта антиномия о восприятии слов как знаков языка и воплощенных в них понятий должна учитываться в переводческой деятельности.

Слово в тексте перевода, как правило, «мотивировано» автором и должно быть как можно более точно интерпретировано переводчиком. Зачастую, однако, переводчик, находясь перед проблемой выбора языкового эквивалента, использует произвольно выбранные лексемы, обладающие конкретными смыслами, и включает их в текст. Подчеркнем, что антиномии В. фон Гумбольдта о произвольной и одновременно мотивированной трактовке знаков языка и об объективности и субъективности в языке и другие следует применять в ходе сравнительно-сопоставительного анализа оригиналов и переводов художественных текстов. В качестве примера для подтверждения подобного суждения обратимся к анализу оригинала новеллы Э. А. По «Черный кот» (“The Black Cat”), опубликованной в 1843 году в филадельфийском журнале *Saturday Evening Post*, и четырех русскоязычных версий ее перевода, выполненных, соответственно, переводчиками Д. Л. Михаловским (1861), Н. В. Шелгуновым (1874), К. Д. Бальмонтом (1901) и В. А. Хинкисом (2008). В настоящее время новелла в основном переиздается в переводе В. А. Хинкиса, который традиционно считается наиболее удачным. Между тем полагаем, что переводчику не удалось передать доминантные смыслы, заложенные в оригинал автором, что можно пояснить, опираясь на антиномию об объективном и субъективном и антиномию о произвольной и мотивированной трактовке языковых знаков в рамках системы языка.

Выбор рассказа обусловлен тем фактом, что указанные переводчики по-разному перевели лексику “perverse-ness” и связанные с ней словосочетания. Это определило разные трактовки основных смыслов, заложенных в оригинале. Вопрос выбора «способов выявления смыслов» (Морозкина, Алтынгужин, 2022, с. 8) решается, как правило, лингвистически каждым переводчиком. В анализируемых текстах не всем переводчикам удалось передать в версиях перевода интенцию автора, что неизбежно привело к искажению смысла оригинального текста. В ракурсе антиномии о произвольных и мотивированных знаках языка необходимо обратить внимание на лексику “PERVERSENESS”, которую Э. А. По графически выделяет в тексте новеллы прописными буквами, что, полагаем, свидетельствует о необходимости точной интерпретации заложенных в этом понятии смыслов. Так, в трактовке Д. Л. Михаловского лексема “perverse-ness” переведена как «злоба», а Н. В. Шелгунова –

как «упорство»; В. А. Хинкис переводит “perverseness” как «противоречие». Все указанные варианты перевода, с нашей точки зрения, не передают авторскую идею оригинала. К. Д. Бальмонт использует для перевода лексему «извращенность», что, как нам представляется, оказалось ближе по смыслу к идее Э. А. По.

По сюжету протагонист совершает жестокое преступление – убийство жены, тело которой замуровывает в стене. Это преступление совершено с особой жестокостью, без всякого сожаления, а преступник не испытывает ни угрызений совести, ни сочувствия к своей жертве. Позже в исповеди он настаивает на том, что сам не понимает причин столь жестокого поступка. Иными словами, его преступление представляется ему случайным, ничем не мотивированным. Полагаем, что объяснение причин преступления, с точки зрения автора новеллы, следует искать в интерпретации доминантной для этого художественного текста лексики “perverseness”, которая может переводиться как «перверсия». Под термином “perverseness” понимается девиантное поведение персонажа, вызванное медицинским патологическим отклонением психического состояния человека от нормы. Термин «перверсия» был известен в медицине во времена Э. А. По, который, кстати, изучал медицину, математику и химию во время своего обучения в Университете Вирджинии (США) и показал блестящие результаты.

В анализируемых русскоязычных версиях при переводе фразы “*And... came... the spirit of PERVERSENESS*” переводчики употребили разные по смысловому наполнению словосочетания:

- «И... явился во мне дух злобы» (Н. В. Шелгунов);
- «...во мне родился дух упорства» (Д. Л. Михаловский);
- «И... пришел дух извращенности» (К. Д. Бальмонт);
- «И... во мне пробудился дух противоречия» (В. А. Хинкис).

Перевод фразы “*PERVERSENESS is one of the primitive impulses of the human heart*” также оформлен переводчиками по-разному:

- «...злоба есть главный двигатель сердца человеческого» (Н. В. Шелгунов);
- «...упорство есть одно из первоначальных побуждений человеческого сердца» (Д. Л. Михаловский);
- «...извращенность является одним из самых первичных побуждений человеческого сердца» (К. Д. Бальмонт);
- «...дух противоречия принадлежит к извечным побуждающим началам в сердце человеческом» (В. А. Хинкис).

Все предложенные переводчиками трактовки словосочетания “*the spirit of PERVERSENESS*” субъективны, и не все из них мотивированы значением лексики “perverseness”. В новом англо-русском словаре В. К. Мюллера прилагательное “perverse” переводится как «упрямый», «упорствующий», «несговорчивый», «капризный»; а также «неправильный», «превратный», «ошибочный». Существительное “perversion” означает: «извращение», «искажение», «неуравновешенность», а “perversity” – «упрямство», «своенравие», «несговорчивость», «извращенность», «порочность». В словаре приводится также прилагательное “perversive” со значением «извращающий». Словарь предлагает также лексему “pervert” со значением «отступник», «ренегат», «извращенный человек», а также «человек, страдающий сексуальными извращениями» (Мюллер, 2001, с. 538). В Macmillan English Dictionary for Advanced Learners приводится значение прилагательного “perverse” как “determined to behave in an unreasonable way, especially by doing the opposite of what is expected or wanted” (2006, p. 1114) / «преисполненный решимости вести себя неразумно, особенно делая противоположное тому, что ожидается или чего хотят» (перевод выполнен авторами статьи. – Р. Г., Е. М.). Производное от “perverse” существительное “perverseness” имеет сходные значения. В этом словаре появляется производное существительное “perversion”, которое толкуется как “sexual behavior that you consider to be wrong or not normal” (Macmillan English Dictionary..., 2006, p. 1114) / «сексуальное поведение, которое считается неправильным или ненормальным».

Как отмечалось выше, переводчики каждый по-своему перевели медицинский термин “perverseness”. В результате доминантной причиной преступления, в трактовке Э. А. По, становится “the spirit of PERVERSENESS” (1983, с. 263); по Д. Л. Михаловскому – «дух злобы», по Н. В. Шелгунову – «дух упорства», по В. А. Хинкису – «дух противоречия». «Вариативные соответствия», предложенные переводчиками, не мотивированы сюжетом и противоречат интенции автора. Использование подобных переводческих решений, полагаем, не всегда является эффективным, поскольку тогда в переводе «теряются многообразные смысловые оттенки, заложенные в оригинал автором» (Морозкина, 2018, с. 244). Несколько ближе к авторскому замыслу перевод К. Д. Бальмонта как «дух извращенности», что соответствует идее Эдгара По о том, что бесчеловечное преступление было совершено под влиянием болезненного состояния психики протагониста, которое усугубилось под воздействием алкоголя и перешло в иррациональное девиантное поведение, не контролируемое разумом.

Э. А. По неоднократно использовал лексику “perverse”, “perverseness”, “perversity”, “perversion” в своих новеллах, понимая под ними психически неуравновешенное состояние нездорового человека, под влиянием которого он неизбежно совершает жестокие преступления. В 1845 году Э. А. По пишет рассказ “The Imp of the Perverse”, где как раз и размышляет над проблемой перверсии, являющейся причиной девиантного поведения личности. Для объяснения причин и мотивов, казалось бы, безрассудного преступления личности Э. А. По описывается на термин “perverse”, который образован от латинского “perversio”, содержащего значение: направленный в «неправильную сторону». В «Социологическом энциклопедическом англо-русском словаре» (2002) «перверсия» содержит значение деформированного мышления, суждения или поведения. Характерно, что переводчики по-разному перевели не только сам термин, но и название новеллы. Так, М. А. Энгельгардт перевел название как «Бес превратности», В. Рогов – как «Бес противоречия». Именно это название утвердилось в большинстве переизданий новеллы в России. Тем не менее ближе всего к идее Э. А. По о мотивированности поведения личности болезненным состоянием, «перверсией», вновь стала версия перевода К. Д. Бальмонта, предложившего в качестве заглавия новеллы словосочетание «Демон извращенности».

В этой новелле также встречается термин “perverseness”, для перевода которого переводчики предложили разные варианты переводческих соответствий:

“...which I term perverseness” (Poe E. A. “The Imp of the Perverse”). /

- «...что я называю **превратностью**» (М. А. Энгельгардт);
- «...которое я называю **извращенностью**» (К. Д. Бальмонт);
- «...что я называю **противоречивостью**» (В. Рогов).

Фраза “...we might, indeed, deem this perverseness a direct instigation of the Arch-Fiend” переведена следующим образом:

- «...мы готовы бы были приписать эту **извращенность** прямому внушению дьявола» (М. А. Энгельгардт);
- «...мы могли бы на самом деле считать такую **извращенность** прямым искушением дьявола» (К. Д. Бальмонт);
- «...право, мы могли бы счесть это **стремление поступать наперекор** прямым подсказом нечистого» (В. Рогов).

Словосочетание “which we may call perverseness” переведено как:

- «...**противоречивую склонность**, которую я назову» (М. А. Энгельгардт);
- «...что мы можем назвать **извращенностью**» (К. Д. Бальмонт);
- «...можно назвать **противоречивостью или упрямством**» (В. Рогов).

Для перевода словосочетания “We feel perverse...” переводчики употребили разные варианты перевода:

- «Нас обуяла **прихоть**» (М. А. Энгельгардт);
- «Мы испытываем нечто **извращенное**» (К. Д. Бальмонт);
- «Мы испытываем **желание поступить наперекор**» (В. Рогов).

В версиях перевода новеллы фраза “in these fits of perversity” также переведена по-разному:

- «...с этими **припадками извращенности**» (М. А. Энгельгардт);
- «...насчет этих **порывов извращенности**» (К. Д. Бальмонт);
- «...подобных **припадков противоречия**» (В. Рогов).

На протяжении всего текста новеллы Э. А. По использует лексему “perverse” и ее производные “perverseness”, “perversity”, “perversion”, имеющие значение патологических проявлений в поведении личности в связи с ее болезненным состоянием. Эти лексемы содержат также идею извращенного поведения, что передается на русский язык термином «перверсия». Употребление Э. А. По лексем “perverseness”, “perversity”, “perverse”, “perversion” в текстах новелл не случайно, а, напротив, осознанно мотивировано автором, создающим некую игру смыслов, которая сообщает тексту «большие смысловые возможности» (Лотман, 1992, с. 152) для понимания ключевого замысла всего художественного произведения. Эти лексемы использованы автором с целью объяснить преступление, совершенное протагонистом, его болезненным психическим состоянием, которое невозможно излечить или преодолеть. В таком случае совершенное преступление – это вовсе не случайность и не противоречие, а неизбежная, мотивированная душевной болезнью закономерность. В своем переводе М. А. Энгельгардт для передачи этих лексем использует следующие лексические единицы: «прихоть», «превратность», «припадки извращенности». В. Рогов употребляет такие эквиваленты, как «противоречие», «упорство», «стремление поступать наперекор». К. Д. Бальмонт сохраняет русскоязычный эквивалент «извращенность» на протяжении всего повествования.

С опорой на антиномии В. фон Гумбольдта о соотношении объективного и субъективного в языке, о произвольности/мотивированности знаков языка внутри языковой системы можно утверждать, что писатель использует лексемы “perverseness”, “perversity”, “perverse”, “perversion” в стремлении доказать не случайную противоречивость в поступках протагонистов, а, напротив, мотивированную неизбежность совершения преступных действий, связанную с душевной болезнью, которая ведет к неадекватным поступкам личности. «Смысл и значение» этих лексических единиц обновляются и «растут по мере дальнейшего развертывания контекста» (Бахтин, 2000, с. 222). Имея в виду наличие языковых антиномий, описанных В. фон Гумбольдтом, переводчику следует выявить в художественном тексте имплицитную мотивированность выбора автором соответствующих лексических единиц и особой текстовой структуры, предполагающей наличие соответствующих типов шрифтов, использование курсива и прописных букв. Эти имплицитные (в отношении идейного содержания) элементы художественного текста и эксплицитные (в отношении типов текстовых шрифтов) элементы языка позволяют привлечь внимание как переводчика, так и читателя к смыслонаполнению выделенных автором курсивом лексем. Безусловно, переводчик неизбежно вносит определенную долю произвольности при трактовке мотивированных языковых знаков, тем не менее их интерпретация должна максимально соответствовать интенции автора.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что моделирование перевода художественных текстов необходимо осуществлять с учетом лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, в частности языковых антиномий.

В процессе сопоставительного анализа оригиналов и русскоязычных переводов новелл Э. А. По показано, что не во всех версиях перевода удалось точно интерпретировать те смыслы, которые автор вложил в оригинальные художественные тексты, поскольку ранее не были учтены антиномии о соотношении объективного и субъективного в языке, о произвольности знака языка и мотивированности знаков как элементов языковой системы.

Языковые антиномии В. фон Гумбольдта помогают переводчику обнаружить недочеты и неточности переводческих решений и выявить причины, которые привели к нарушению доминантных смыслов оригинальных художественных текстов.

В заключение подчеркнем, что проблема использования языковых антиномий В. фон Гумбольдта в ходе перевода художественных текстов не до конца исследована в сопоставительном языкознании, в теории и практике перевода и, соответственно, требует дальнейшего изучения. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении лингвистической концепции В. фон Гумбольдта и, в частности, тех языковых антиномий, которые не были рассмотрены в данной работе, в контексте науки о переводе с целью корректировки смысловых оттенков переводов и необходимостью донести до реципиентов глубинные смыслы оригинальных художественных текстов.

Источники | References

1. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М.: Наука, 1975.
2. Бахтин М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
3. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: введение во всеобщее языкознание. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Дзюбенко А. И. Семиозис в художественном тексте: достоверность и ирреальность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 4.
6. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
7. Иванова С. А., Махмудова Хилола Эркин кизи. Передача имплицитных смыслов при переводе поэзии Луизы Глюк (на материале сборника *The Wild Iris*) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 4.
8. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры.
9. Морозкина Е. А. Вариативность перевода «текстовой аномалии» // Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков: мат. междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 23-24 апреля 2018 г.). Уфа: РИЦ Башкирского государственного университета, 2018.
10. Морозкина Е. А., Алтынгужин Т. Р. Актуализация семиотических пространств при переводе художественного текста: монография / под ред. Е. А. Морозкиной. Уфа: РИЦ Башкирского государственного университета, 2022.
11. Морозкина Е. А., Филиппова Ю. А. Репрезентация антиномии В. фон Гумбольдта о неразрывном единстве и внутренней противоречивости языка и мышления в национальной языковой картине мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20569>
12. Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts // Humboldt W. Werke: in 5 Bdn. Berlin, 1963. Bd. 3. Schriften zur Sprachphilosophie.

Информация об авторах | Author information

RU

Газизов Рафаэль Аркадьевич¹, д. филол. н., проф.
Морозкина Евгения Александровна², д. филол. н., проф.
^{1,2} Уфимский университет науки и технологий

EN

Gazizov Rafael Arkadjevich¹, Dr
Morozkina Evgeniya Aleksandrovna², Dr
^{1,2} Ufa University of Science and Technology

¹ tasufa.gazizov@gmail.com, ² morozkinaeva@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2023; опубликовано online (published online): 18.08.2023.

Ключевые слова (keywords): перевод; языковые антиномии; В. фон Гумбольдт; Э. А. По; доминантные смыслы; translation; language antinomies; W. von Humboldt; E. A. Poe; dominant meanings.